

бой теоретического антитезиса с самой совестью, никак не заменяемой категорическим императивом, который незримо, как Афина в поединке Ахиллеса с Гектором, помогает у Канта тезису своим якобы божественным вмешательством, отклоняя теоретическое копье Антитезиса от тела этого теоретика-Ахиллеса.

Теоретик-мыслитель Иван Федорович, убивший в лице своего окарикатуренного двойника, Смердякова-практика, собственного отца, Федора Павловича, оказался, подобно Раскольникову, «бледным преступником», который не вынес своего преступления, который, выполняя программу «все позволено», все же почувствовал, что она ему не по силам, что ему позволено далеко не все, а может быть и ничего не позволено. В итоге Смердяков повесился: его совесть заела. Иван же Федорович заболел белой горячкой: его глубокая совесть заела, т. е. тезис «заел» антитезис. И не столько за отцеубийство, сколько за всю принятую Кантову программу антитезиса, как истины мира, заела совесть Ивана — в угоду автору. А поскольку антитезис в романе есть черт, то совесть в лице Ивана расправилась разом и с чертом и с Кантом.

IX

ПОСЛЕДНИЙ СЕКРЕТ ЧЕРТА, ЗАСЕКРЕЧЕННЫЙ И ДЛЯ САМОГО ЧЕРТА

Теперь читатель разгадал загадку, заданную Ивану чертом: почему Иван не смел не пойти показать на себя на суде.

Вот эта загадка:

«— Ты всю ночь», — говорит Ивану черт, — «будешь сидеть и решать: идти или нет? Но ты все-таки пойдешь, и знаешь, что пойдешь, сам знаешь, что как бы ты не решался, а решение уж не от тебя зависит. Пойдешь, потому что не смеешь не пойти. Почему не смеешь, — это уж сам угадай, вот тебе загадка!»¹

¹ 10, 185

Хотя Смердяков повесился и теперь Ивану нельзя доказать ни его, ни своей вины, однако в силу категорического императива Иван не смеет не пойти показать на себя — и он идет: идет «исполнить долг». Ибо что такое «исполнить долг», как не категорический императив?

Правда, выражение «исполнить долг» автор в данном случае не применил к Ивану, но зато он применяет его к Неизвестному, к тому «покаявшемуся убийце», который, по рассказу старца Зосимы, сам на себя показал — «долг исполнил»² — и тотчас исполнился предчувствия бога, веселия и «умиленной радости» — высшей формы земного блаженства, даруемого тезисом. Но это веселие сердца и умиленную радость испытал и Иван, когда, после третьего свидания со Смердяковым, возвращаясь домой, решил показать на себя на суде и тут же по пути делает «доброе дело»: по рецепту старца Зосимы он проявляет «дейтельную любовь» к пьяному мужичонке. Тогда и на него нисходит «умиленная радость». Тезис празднует триумф³. Но чуть Иван обнаруживает колебание в своем «великом решении» и не идет к прокурору «объявить», как тотчас его радость исчезает и начинается кошмар: теперь триумф празднует антитезис. Коромысло антиномий продолжает раскачиваться.

Читатель разгадал загадку, заданную Ивану чертом: почему Иван не смел не пойти показать на себя, но еще не до конца разгадал.

Пока на арене выступали только теоретические витязи мысли, можно было позволить себе высокую забаву: поединок во имя отвлеченной истины. Но когда на ставку была поставлена жизнь Мити, т. е. реальная истина, и на арену выступил страшный *рыцарь-страхи-упрека* — Совесть — и потребовал последнего боя, боя неминуемого, — тогда высокая забава кончилась. Ивану надо было либо показать на себя, либо молчать. Показать на себя — означало бы признать правоту тезиса: высшее существо есть. Молчать — означало бы признать правоту антитезиса: высшего существа нет. Если бы Иван был действительно на стороне антите-

² 9, 390.

³ 10, 158—159.

зиса, вопрос был бы решен тотчас. Но Иван пребывал в состоянии колебания и не мог остановить качание антиномического коромысла.

Когда в деле убийства Федора Павловича Иван принял только пассивное теоретическое участие на стороне антитезиса, им овладел ужас: потому что Иван не верил в антитезис, как это разгадал в нем Зосима. Теперь же требовалось участие активное. Если бы Иван верил в тезис, он, потерпев уже раз поражение на стороне антитезиса, стал бы на сторону тезиса. Но он не верил и в тезис. Он вообще не мог верить, потому что он хотел знать — знать то, что знанию недоступно (Кант!), чего доказать нельзя (так утверждают Зосима и Кант!), однако в чем якобы убедиться можно (Зосима).

Но ведь Иван Федорович — *человек-с-идеей* — теоретик; ему надо «мысль разрешить» — это и есть главное. Отдельные эмпирические акты, вроде «действенной любви» Ивана к пьяному мужичонку, его, как абсолютиста, ни в чем не убеждают. Ведь Иван Федорович — автор «Легенды о великом инквизиторе» и «Геологического переворота», и он знает секрет великого инквизитора, а именно то, что человеколюбие и сострадание не убеждают ни в бытии бога, ни в бессмертии, что они возможны, без бога и без бессмертия, ибо сам великий инквизитор, который «в бога не верит», только из одной любви к человеку, «к недоделанным пробным существам, созданным в насмешку», обманывает людей бессмертием, зная, что бессмертия нет⁴. Ибо и грядущий «новый человек» или «человеко-бог», этот абсолютный атеист, также возлюбит человека и даже «без всякой мзды». Короче говоря: Иван Федорович знал, что гуманность не требует религии или потусторонних оснований в качестве предпосылок (конечно, это сарказм автора!).

Иной вдумчивый читатель отметит, что Иван Федорович отступил от своего первоначального утверждения, высказанного уже в упомянутой первой редакции его мыслей о человеко-боге (будто любовь к человеку не есть «закон естественный», т. е. не есть закон при-

⁴ 9, 328—329.

роды, а вытекает только из веры в бессмертие), если оказывается, что любовь возможна и при отрицании бессмертия.

Быть может, вдумчивый читатель усмотрит в этом умысел автора: показать, что в таком, ничем не мотивированном отступлении Ивана Федоровича от прежнего утверждения, в таком сознательном допущении любви к человеку без веры в бессмертие, скрывается бессознательное утверждение Иваном Федоровичем бессмертия, бессознательная вера, бессознательное признание правоты тезиса и что потому-то Иван Алешу любил, даже изъяснялся ему в любви, что в нем самом жил Алеша-Тезис, что потому-то Иван и испытал радость и счастье, когда помог мужичонке и когда решил показать на себя.

И не подтверждается ли еще раз, что если Иван, черт и Смердяков, как олицетворение одной идеи, подобно человеку, отбрасывающему от себя две тени — длинную и короткую, поставлены в один ряд по линии антитезиса, то сам Иван для автора вовсе не антитезис (наука). В нем, в Иване, есть вторая сторона — бессознательный тезис (религия), и для автора Иван и есть именно такой бессознательный тезис.

Более того: ухватившись за этот бессознательный тезис Ивана, автор хочет не погубить, а найти в этом тезисе спасение для своего героя, т. е. применить тот самый рецепт, какой он применил к Раскольникову, — покаяние и очищение.

Но если, допустим, автор и хотел утвердить в этом читателя (а думается, суть здесь в другом!), то героя своего он в этом не убедил и не сокрушил его теории, будто власть над совестью сильнее власти самой совести или, как выразился великий инквизитор: «кто успокоит совесть человека, ради того он бросит и хлеб». Иван Федорович, как абсолютист, требовал от разума сознательного и абсолютного разрешения, а не бессознательного и эмпирически-случайного.

Не найдя абсолютного теоретического разрешения антиномий, Иван, как абсолютист, потребовал их морально практического разрешения в мире чувственном, а в не в мире умозрительном — в жизни, в конкретном.

Он отказался удовольствоваться сознанием и верой, что абсолютная гармония есть в мире ином или в

самом разуме, как его идея, или же в далеком грядущем мира сего.

Он потребовал осуществления этой гармонии в абсолютной форме — тут же, сейчас же на месте, как возмездия за неоправданное страдание ребенка: иначе гармония для него — мнимая иллюзия, и он, Иван, отдает свой билет на вход (в мир гармонии) обратно.

В итоге такого абсолютного требования, требования абсолютиста, его разум заболел.

Болезнь Ивана понял Алеша⁵. Но, опять-таки, понял так, как этого хотелось тенденции автора: он понял ее в аспекте тезиса, но понял бессознательно — инстинктивно.

Алеша понимал, что «бог», в которого он, Иван, не верит, и правда его (т. е. тезис) одолевала сердце Ивана, все еще не хотевшее подчиниться тому, что инквизитор бит, что власть совести поборола «власть над совестью», что *рыцарь-страха-и-упрека* (совесть) метнул в сердце антитезиса копье, и оно вонзилось глубоко.

Но Алеша понимал и то, что если Иван с осознанным антитезисом (с безбожием) в разуме пойдет, в силу бессознательного тезиса (веры) в своем сердце, за тезисом, не признав в нем умом истины, то Иван погибнет в ненависти, мстя себе и всем за то, что послужил тому, во что до конца не верил!

Конечно, Иван мог и «не восстать в свете правды», т. е. смолчать и не пойти показать на себя, и в то же время мог не признать истины и за антитезисом. Но и тогда он погиб бы в ненависти: третьего пути — пути признания истины за антитезисом — автор ему не оставил, подведя его под удар совести, как не оставил этого третьего пути даже самому черту.

Здесь читатель опять возвращается к «секрету черта».

Если черт, как необходимый минус существования (его дуализма), и остался, по его собственному признанию, «при пакостях» и не рывкнул «осанна» вместе с херувимами, если он выдал один свой секрет — «секрет черта» — устами великого инквизитора, исполнившего совет великого духа смерти и уничто-

⁵ 10, 186.

жения, то другой, последний секрет, все же остался еще не раскрытым: тот самый секрет, который был и для самого черта засекречен. И невольно возникает у читателя вопрос: не был ли этот последний секрет засекречен и для самого автора?

Этот секрет не хотят открыть любящему людей черту, чтобы в лице черта не исчез необходимый минус — иначе все на свете угаснет и не станет «происшествий».

И пока этот секрет не откроют черту, до тех пор для него существуют две правды: одна тамошняя, ихняя (т. е. потусторонняя), пока еще черту неизвестная, и другая — его правда, здешняя, «правда черта».

То положение, что «минус» (т. е. антитезис) необходим для жизни, высказано и великим инквизитом: зло есть необходимость. Но не открывает ли великий инквизитор и самый секрет, засекреченный для черта? Ибо и у великого инквизитора есть свой секрет и секрет этот в устах якобы любящего людей инквизитора звучит уже не скоморошным фарсом черта, а всечеловеческой трагедией, все глубже и глубже раскрывая свой затаенный смысл.

— Будут на земле «тысячи миллионов счастливых младенцев», — говорит великий инквизитор безмолвному пленнику (или, вернее, говорит Иван Алеше), — «и сто тысяч страдальцев, взявших на себя проклятие познания добра и зла». Исполнив советы великого духа смерти и разрушения, получив власть над совестью людей силой чуда, тайны и авторитета, получив от них бремя свободы выбора, приводящей якобы только к рабству, эти сильные волей сто тысяч страдальцев, с мечом кесаря в руках, будут вести людей путем лжи и обмана уже сознательно к смерти и к разрушению и притом будут обманывать их всю дорогу.

А люди? — «Тихо умрут они, тихо угаснут (...), и за гробом обрящут лишь смерть. Но мы», — обещает великий инквизитор, — «сохраним секрет, и для их же счастья будем манить их наградой небесною и вечною»⁶.

Алеша сразу расшифровывает секрет инквизитора: «— Инквизитор твой не верует в бога, вот и весь

⁶ 9, 326.

его секрет!» — заявляет он Ивану, и Иван соглашается с ним: «— Действительно, только в этом и весь секрет»⁷. Инквизитор не верит в тезис, но хочет обмануть людей этим тезисом, чтобы они, обманутые, были счастливы на земле.

Как видите, читатель, секрет инквизитора оказался старым секретом — все той же, нам уже знакомой, истиной антитезиса, что нет бессмертия и бога, — но не только этим. Истина антитезиса, как учение самого искусителя, осложнилась еще новым секретом: необходимостью из любви к людям утаить от них самый секрет, а именно тот, что бессмертия и бога нет.

И если великий инквизитор говорит пленнику, великому идеалисту: «Мы не с тобою, а с ним [с искусителем], вот наша тайна»⁸, то секрет потому тайна, что великому инквизитору и его единомышленникам, только из одной любви к людям, надо лгать и обманывать: будто бог и бессмертие есть. В этом их тайное страдание — в необходимости таить от людей истину антитезиса (бога нет, бессмертия нет) и проповедовать им мнимую истину тезиса (бог есть, бессмертие есть).

Черту не хотят открыть секрет — зачем необходим «минус» для жизни. Черт-минус как будто бы не знает, существует ли бог-плюс. Но «плюс» существует, раз черт хотел рывкнуть ему вместе с херувимами и серафимами «осанну» и обещает в конце концов помириться с богом, дойти свой квадриллион километров и узнать секрет (т. е. бога). Великий же инквизитор, наоборот, знает, что никакого «плюса» (бога) нет, а существует только «минус» (ничто) и что «плюс» надо выдумать, чтобы человек не погиб в истине «минуса».

— Значит, великий инквизитор и раскрыл засекреченный для черта секрет, что бог только иллюзия! — воскликнет сгоряча иной читатель. Ничуть! То, что бога выдумали, об этом черт давно знает. Сам черт, следуя совету Вольтера, и выдумал бога. Ведь черт смеется над человеком: ибо бога нет, а человек в него верит. Разве читатель забыл разговор за коньячком: если бы не выдумали бога, то не было бы и цивилизации, и коньячка?

⁷ 9, 328.

⁸ 9, 323.

Но, очевидно, и без черта не было бы цивилизации, ибо черт необходим для «происшествий», как необходимый «минус».

Оказывается, что и черт также выдуман. Причем бог и черт выдуманы по образу и подобию человека. Это изрекает Иван:

«— Я думаю, что если дьявол не существует и, стало быть, создал его человек, то создал он его по своему образу и подобию.

— В таком случае, равно как и бога», — подает реплику Алеша⁹.

— Но, если, — восклицает читатель, — в романе прокламируется, что бога нет и его выдумали, и если черта нет и его тоже выдумали, значит секрет, по замыслу автора, в том, что нет ни того, ни другого — обоих выдумали! Значит, они — «искусственные идеи» в человечестве, изобретенные иллюзии, значит прав Ракитин!

— Ницуть, читатель, — отвечает нам автор.

Оказывается, что оба они, бог и черт, существуют и оба необходимы для жизни, как плюс и минус. Стоило черту крикнуть «осанну», т. е. аннулировать самого себя (как смысл), провозгласив абсолютный плюс, как тотчас же все бы приостановилось и прекратилась бы жизнь.

Но если и плюс и минус, и бог и черт одновременно и выдуманы (так утверждает Иван), и существуют, и необходимы (так утверждает черт), значит, их выдумал разум, выдумал по необходимости, значит, они и есть все те же неустранимые идеи разума — тезис и антитезис. Значит, прав Кант и надо только перестать раскачиваться на антиномическом коромысле, переходя, как Иван Федорович, попеременно от бога к черту, и от черта к богу, и разрешить антиномии, примирив их друг с другом, т. е. снять их мнимое противоречие?

Не совсем так, читатель.

По мнению Канта, оба противоречивые положения антиномий могут быть истинными в различных отношениях, а именно: все вещи чувственного мира имеют всегда лишь эмпирическое обусловленное существова-

⁹ 9, 299.

ние (т. е. случайное: такой-то имярек родился, такой-то имярек умер). Но для всего ряда существует также не эмпирическое условие, т. е. «безусловно необходимое существо»¹⁰.

Так пытается примирить Кант материалистическую науку с завуалированной религией.

А кого такое диалектическое примирение (природа безбожна, но бог существует!) мало удовлетворяет, для того Кант объявлял существование «необходимого существа» с теоретической точки зрения не обязательным, зато голос категорического императива, подменяющий у Канта голос совести, доказывал тому человеку, что «необходимое существо» есть: так категорический императив *vice versa* оказался рупором бога.

Достоевский признал последнее — голос совести — как рупор бога и на примере Ивана и Смердякова решил показать, что кто не принимает в расчет этого голоса, тот обречен.

Диалектическое же примирение Достоевский, в лице своего героя Ивана, тогда отклонил.

Вот почему, читатель, не в Кантовом теоретическом разрешении антиномий, не в снятии противоречия заключается суть «секрета черта» и искусителя.

Очевидно, не случайно автор засекретил свой последний и первый секрет и загадал загадку читателю.

«Секрет черта» в том, что если бог и бессмертие есть, то черт должен утверждать, что их нет: иначе исчезнет жизнь.

Секрет великого инквизитора и искусителя в том, что бога и бессмертия нет, но надо утверждать, что они есть, — иначе жизнь для миллионов будет сплошным страданием.

Однако искуситель и черт — это один и тот же герой, но только в разных масках — в трагической и шутовской, а один и тот же секрет их — не один и тот же: в одном случае раскрывается обратное тому, что раскрывается в другом случае.

Тогда не пополняют ли друг друга эти взаимоотрицающие положения секрета и не этим ли и смущает автор читателя? Не в том ли рассекреченный секрет,

¹⁰ К а н т, 329.

что черт, по замыслу автора, обречен на вечное противоречие (без его, Кантовского, примирения), что для него бог и бессмертие одновременно и существуют и не существуют?

Что это значит, читатель? У Достоевского это значит многое. Ибо это не только высказывание черта, но и Мити, и Зосимы, и Ивана, и... самого автора.

Х

«БЕЗДНЫ» и «ПРАВДЫ» РОМАНА

Не обратил ли читатель внимание на странные двойцы-диады, по поводу которых философствуют герои романа: на две бездны Мити, провозглашенные самим Митей и Ракитиным и повторенные прокурором, — как на две бездны натур Карамазовских, способных созерцать их разом: на бездну над ними — бездну высших идеалов, и бездну под ними — бездну самого низменного и зловонного падения — две бездны в один и тот же момент.

Не обратил ли читатель внимание на такие же две бездны — бездны веры и неверия, созерцаемые также в один и тот же момент отцами-пустынниками? ¹

Не обратил ли читатель внимание также на две правды старца Зосимы — земную правду и правду вечную, которые соприкасаются и из которых одна совершается на глазах другой? ²

Или же, на уже упомянутые, — две правды черта: правду здешнюю, известную черту, и правду тамошнюю, ему пока не известную, причем неизвестно, которая из них будет почище ³.

¹ 9, 138—139; 10, 174, 243.

² 9, 365.

³ 10, 178.